НЕКРОПОЛЬ

Их первые книги оказались последними...

Мы будем говорить о тех, кто уже не сможет прочесть наших строк. Это нас обязывает не к траурной многозначительности, но к сдержанности.

Более того, мы будем говорить о книгах, авторы которых никогда не держали их в руках. Их сборники были изданы посмертно — и не безымянными поклонниками, а, что называется, родными и близкими покойных. Странное дело: мы часто сетуем на то, что эти самые родные и близкие не понимают наших творческих порывов, не принимают их всерьез, — а стоит нам умереть, никто и не вспоминает об этих порывах, кроме них. Лучше всех об этом сказал Тургенев на последней странице «Отцов и детей».

Пусть это не прозвучит кощунственно, но мы будем говорить о поэтах и поэтессах, которым не выпала прижизненная слава и вряд ли выпадет посмертная.

Ольга Вендик
Белая королева

СПб, ТОО «Складень» — НИЦ «Альфа», 1994.

О.Вендик родилась в 1964 году в Ленинграде. Окончила химфак ЛГУ, работала в Институте экспериментальной медицины и в редакции «Журнала органической химии». По вечерам училась на Высших гуманитарных курсах. Собиралась издавать собственный журнал «Семь ключей» — с религиозно-философской тематикой. За свою жизнь опубликовала всего несколько стихотворений.

За два месяца до смерти крестилась. Умерла в июле 1993 года, в возрасте 29 лет от кровоизлияния в мозг.

Отец Ольги в послесловии к ее книге приводит такой эпизод:

«Во время одной из наших прогулок моя Оля неожиданно спросила:

— Зачем люди живут! Должна быть какая-то цель самой жизни? Если такой цели нет, то, наверное, не стоит и жить... Только не говори, что человек рожден для счастья, это я уже слышала или где-то читала.

Вопрос был задан серьезно. Человек в тринадцать лет не допускает расплывчатых ответов».

Вполне характерная для «поколения тридцатилетних» (О.Вендик не дожила до 30-ти, но она из этого, из нашего поколения) нотка скепсиса в «вечных вопросах»: «Это я уже слышала или где-то читала». Мир «книжный», что означает не «искусственный», но изъеденный искусством. Здесь жизнь проживалась в книгах, но книги ощущались чем-то более реальным, чем жизнь. Это поколение часто повторяло слова С.Дали: «Ненавижу все естественное».

У Ольги Вендик очень «мирискусная» поэзия, часто стилизованная, но стилизация у нее таковой и осознаётся, колеблясь между иронией и ностальгией:

Придуманная жизнь, украденные сны.
Кареты, конюхи, лакей ливрейный.
Придворные балы, гусарские усы
И медный колокольчик на дверях кофейни.
. . . . . .
Век золотой, постой! Поснись еще чуть-чуть.
Пусть отзвуком копыт и стуком экипажа
Почудься, покажись, минуточку побудь
Хоть эхом выстрела дуэльного Лепажа.

Возможно, из этой же склонности к стилизации «музыкальные» стихи О.Вендик (а ее стихи пронизаны музыкой) испещрены специфически музыкальной терминологией:

Когда мой дом ковром мохнатым
Укроет тишь,
Сыграй мне капель пиццикато
На склонах крыш.

Очень точно написал о стихах О.Вендик один из ее друзей: *«Графически ясные контуры Петербурга, отблески неяркого осеннего солнца на мокром асфальте, ностальгия по чему-то приснившемуся сегодня ночью или не бывшему никогда... Полупрозрачные, полупризрачные стихи. Игра в стихи. Игра в жизнь?»*

Но есть у Ольги Вендик поразительное стихотворение, где уже совсем не оставлено места игре: стихотворение, так подчеркнуто *не игрово*, так *сурово* названное: «Ленинград»:

Скоропостижные сумерки
короткого зимнего дня,
неотвратимо и всякий раз
застигающие меня врасплох.
Обледенелые тротуары Невского.
Тусклые, будто коптящие
фонари переулков.
Ласкающие пальцы улиц,
сведенные судорогой холода.
Неужели возможно здесь
дожить до весны?

Ефим Куферштейн
Такие обычные дома

СПб, 1994.

Известный в Петербурге краевед и историк города (и стихотворец) Ефим Куферштейн родился в Ленинграде в 1950 году. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт. Работал в различных учреждениях экономистом и преподавателем финансовых дисциплин.

Интерес к родному городу у него был врожденным. Исходив еще в отрочестве весь Ленинград пешком, он не пропускал ни одной мемориальной таблички, и, возможно, его страсть к русской литературе была внушена любовью к тем местам, где жили петербургские писатели и поэты.

В 1985 году он стал председателем Клуба любителей города при Выборгском ДК.

С 1989 года Е.Куферштейн целиком посвятил себя работе экскурсоводом в одном из экскурсионных кооперативов. Помимо экскурсий, он организовывал и вел циклы лекций по истории Петербурга («Дворцы и особняки на левом берегу Невы», «Петербург — каменная летопись мира» и др.).

Серия очерков «Такие обычные дома», которая составила первую часть его посмертной книги, была опубликована в 1987—1988 годах в одной из многотиражных газет предприятия, где он работал машинистом холодильных установок.

Жизнь Ефима Куферштейна трагически оборвалась 27 июля 1994 года — он утонул.

Он относился к тому исчезающему ныне типу фанатичных экскурсоводов, тех, преследуемых, по выражению Мандельштама, «демоном архитектуры» людей, которых необходимо ценить не меньше, чем самое архитектуру.

Однако в центре краеведческих интересов Е.Куферштейна был не хрестоматийный Петербург, а всего лишь два дома-близнеца под номерами 58 и 60 на ул.Некрасова (бывшая Бассейная), построенные в начале нынешнего века в стиле модерн.

Интерес именно к этим домам был у него тоже «генетическим» (его мать жила в одном из них, сейчас она продолжает исследовательскую работу сына).

История этих двух «таких обычных домов» явилась олицетворением русской истории 20-го века: от дореволюционного кооперативного товарищества — до советской коммуналки. Е.Куферштейн проделал огромную работу по разысканию имен жильцов со времени постройки домов и до недавнего прошлого. Среди первых владельцев квартир были П.Н.Милюков, З.И.Гржебин, И.В.Одоевцева, И.Я.Билибин... (Читателей, что-либо знающих о бывших жильцах этих двух домов, просим обращаться в редакцию).

Во вторую часть книги «Такие обычные дома» включены стихи Ефима Куферштейна. Это *студенческая* поэзия, от которой веет духом средневековых школяров. Его стихи свидетельствуют не о поэтическом даре (хотя он писал довольно забавные венки сонетов, что под силу не каждому и «профессиональному» поэту), но о чем-то более существенном — о чистоте сердца.

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж

Окончание следует.

ГОРЕ УМУ

Начало см. стр.11

Группировал вокруг себя политически неустойчивых студентов Московских учебных заведений и пытался создать нелегальный литературный кружок, на сборищах которого имел намерение подвергать критике политику ВКП(б) и Советского правительства в области литературы и искусства и с антисоветских позиций истолковывать советскую действительность.

Кроме того, написал ряд произведений антисоветского содержания.

ПОСТАНОВИЛ:

Руководствуясь ст.ст.128 и 129 УПК РСФСР, привлечь Белинкова Аркадия Викторовича в качестве обвиняемого по ст.ст.58 п.10, ч.2 УК РСФСР о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления, в порядке ст.146 УПК РСФСР, направить Прокурору.

Зам.Нач. 2 отд-ния Следотдела УН КГБ МО
Капитан Государств.Безопасности (подпись)
«Согласен» Нач. отделения отдела (подпись)

Настоящее постановление мне объявлено «12» февраля 1944 года.

Подпись обвиняемого.

Арк.Белинков

Показания обвиняемого Белинкова Аркадия Викторовича

«12» февраля 1944 года.
Допрос начат в 18 час.
Окончен в 21 час. 50 мин.

— Вам предъявлено обвинение в том, что Вы будучи враждебно настроены к советскому строю, в кругу знакомых лиц высказывали свои антисоветские убеждения и клеветнические измышления о советской действительности и руководителях Советского государства.

Группировали вокруг себя политически неустойчивых студентов московских учебных заведений и пытались создать нелегальный литературный кружок, на сборищах которого имели намерение подвергать критике политику ВКП(б) и советского правительства в области литературы и искусства и с антисоветских позиций истолковывать советскую действительность.

Кроме того, написали ряд произведений антисоветского содержания.

Обвинение Вам понятно?

— Понятно.

— Виновным себя признаете?

— Признаю себя виновным частично.

— В чем именно?

— Признаю себя виновным в том, что у меня были антисоветские взгляды по ряду вопросов, связанных с литературой.

— Неужели Вы намерены всерьез утверждать, что под «малиновым звоном белых церквей» имели в виду только религиозные убеждения?

— Да, я имел в виду именно религиозные убеждения.

— А мы понимаем Вас шире — в строках стихотворения речь идет не о религиозных убеждениях, а о строе типа буржуазно-демократических государств. Так это?

— Повторяю, что в стихотворении «Русь 1942 года» я ставил вопрос о том, что для России лучше — идеология марксизма-ленинизма или религиозные убеждения.

— Россия сама, без вашей помощи, определила, что ей лучше. Скажите лучше, что для Вас приемлемее — советская власть или буржуазно-демократический строй?

— Я над этим вопросом не задумывался. Но считаю, что для меня приемлемее советский строй, хотя я и считал, что буржуазные государства в отношении демократизма имеют преимущества в сравнении с Советским Союзом.

— А по нашим данным для Вас приемлем буржуазно-демократический строй. По этой причине вы и распространяли идеи «переустройства» советского строя на буржуазно-демократический лад.

— Я уже сказал, что для меня приемлемее советский строй и идеи «переустройства» этого строя на буржуазно-демократический лад я не распространял.

— Вы распространяли эту идею не только в своем пасквильно-клеветническом произведении, но и в беседах со своими знакомыми. Почему скрываете это?

— Как в своем романе «Черновик чувств», так и своим знакомым я говорил только о том, что буржуазные государства в сравнении с Советским Союзом имеют преимущества только в отношении демократических свобод. Далее, я считал и говорил, что после войны в Советском Союзе будет некоторое послабление в части цензуры. Других вопросов я не касался и о необходимости переустройства советского строя на буржуазно-демократический лад не говорил.

Ответы записаны с моих слов верно и мною прочитаны.

Арк. Белинков.

Допросил. Подпись.

4 февраля 1944 г.
Допрос начат в 18 час. 20 мин.
Окончен в 23 час. 25 мин.

— Сегодня Вы так же намерены утверждать о том, что к советской власти относились положительно?

— Да, я по-прежнему намерен утверждать, что к советской власти относился положительно.

— Произведения пасквильно-клеветнического характера в отношении советской действительности писали?

— Нет.

— Но ведь Ваш «Черновик чувств» — это гнуснейший пасквиль на советскую действительность. Признаете это?

— В целом свой роман «Черновик чувств» пасквилем на советскую действительность не признаю. Однако в романе содержится ряд антисоветских утверждений, касающихся советской литературы, и ряд мест, порочащих советскую действительность.

— Своим знакомым читать «Черновик чувств» давали?

— И сам читал и читать давал.

— В разговоре со знакомыми враждебные взгляды на советскую действительность высказывали?

— Высказывал только в части, касающейся литературы.

— А по другим вопросам?

— Высказывал также по вопросу советской демократии.

— Что конкретно?

— Своим знакомым я говорил о том, что в Советском Союзе отсутствуют свобода слова и свобода печати и что буржуазные государства в этом отношении имеют преимущества по сравнению с Советским Союзом.

Когда я говорил с кем-то из своих знакомых о том, что повесть Зощенко «Перед восходом солнца» снята с печати в журнале «Октябрь», а также о том, что газета «Известия» резко осудила Сельвинского за одно стихотворение, — я сказал: «Судите сами, о какой же свободе может идти речь».

О других вопросах советской действительности, ничего антисоветского я не высказывал.

— А по нашим данным это не так. По нашим данным Вы не только высказывали свои антисоветские взгляды на литературу и советскую демократию, но и вели активную антисоветскую работу по сколачиванию антисоветских кадров из числа Ваших знакомых.

Приступайте к даче показаний о своей преступной деятельности.

— Такой работы я не вел. В числе моих знакомых антисоветски настроенных лиц нет.

Я считаю, что литература может и должна развиваться вне зависимости от исторической и современной действительности по своим внутренним законам, не считаясь ни с какой идеологией. На основании этого я пришел к выводу, что литература не играет той роли, которая ей отводится в нашей стране, и на нее не следовало бы обращать серьезного внимания. Далее, я считаю, что не вся литература должна быть массовой, а что можно писать и для определенного круга читателей, хотя бы для пяти человек.

Кроме того, я считаю, что в Советском Союзе отсутствует свобода слова и печати и что буржуазные государства в этом отношении имеют преимущества по сравнению с Советским Союзом. Это убеждение привело меня к тому, что я чувствовал себя в Советском Союзе чужим человеком, эмигрантом, и диктатура пролетариата для меня была тягостна, мешавшая, как мне казалось, свободному развитию индивидуальности художника.

Эти взгляды я высказывал своим товарищам, а также они нашли отражение в неизданном моем романе «Черновик чувств», и в отдельных стихах.

В романе «Черновик чувств» есть ряд мест, опорочивающих советскую действительность.

В высказывании клеветнических измышлений на руководителей Советского правительства виновным себя не признаю. Однако с моей стороны были высказывания о том, что литературная значимость трудов руководителя советского государства значительно меньше их социально-экономического смысла.

Публикация
ГРИГОРИЯ ФАЙМАНА

Москва

Продолжение следует.

В Санкт-Петербурге
«Русскую мысль» можно купить

в книжных магазинах «Книжная лавка писателя» (Невский пр., 66), «Академкнига» (Литейный пр., 57), в галерее «Серебряный век» в музее А.Ахматовой «Фонтанный Дом» (Литейный пр., 53), в Музее Ф.Достоевского (Кузнечный пер., 5/2).